

Ильяс ДЖАНСУГУРОВ
ПЕСНЯ-ПЛАЧ О НЕСЧАСТНОМ КОНЕ

(заключительная глава поэмы «Кулагер»)

Солнце село. Пали тени на траву Арки.
Волны озера, как горе, были глубоки.
Расставаясь с Кулагером, скорбно пел Ахан,
Люди плакали от горя, души сжав в тиски.

«Кулагер мой, ты лежишь. Я просил – вставай!
Не встаешь, хотя рыдает весь родимый край.
Сколько в мире я терпел при тебе обид!
Сколько без тебя теперь горя предстоит!..
Бай-бай-бай-ай,
Бай-бай-бай-ай...

Кулагер, ты бегал – вот твои следы.
Навсегда останешься в яме Жыланды.
Разлучен хозяин твой с другом навсегда,
Да была ль на свете бóльшая беда?..

Кулагер, скакун чудесный, милый мой Пыраг,
Не скажу я больше: “Успокойся, ляг”.
Ты ничей отныне, всеми позабыт.
Ворон из Корана над тобой бубнит.

Глаз твоих больших, как плошки, не увижу я.
Как могу уехать в дальние края?
Псам не дам обнюхивать голову твою,
Сам её от всех людей тихо утаю.

Кулагер, прощай, мой конь! Кулагер, прощай!
Не встаешь, хоть плачу я и зову: “Вставай!”,
Я подвешу высоко белый череп твой,
Чтоб его не заносило пылью вихревой...»

Горевал Ахан, колени скорбно преклоня.
Бережно с земли поднял он голову коня.
Все друзья одно сказали: «В горе человек».
«Ну и призь!» – враги смеялись, вновь его черня.

И уехал в ночь Ахан...
Сумрачен был путь.
Если мог бы хоть на миг он глаза сомкнуть!
Мальчик маленький сидел позади него.
Ехал, головой коня прикрывая грудь.

Не спеша он ехал вдаль с тихим сиротой.
Всё окутано вокруг летней темнотой.
И тогда запел Ахан песню «Кулагер»,
Ночь, дорогу оглашая грустной песней той.

Чтоб излить свою тоску, и печаль, и гнев,
Высоко поднял Ахан горестный напев.
Всё же песня – капля влаги, что летит в костер:
Чуть притухнет он, но вспыхнет, вновь запламенев.

Горькая печаль, тоска заставляют петь.
Больше сердце о коне начало болеть.
«Кулагер!» – кричала песня. Отзывалась ночь.
«Кулагер!» – вздыхая громко, повторяла степь.

Пел он, песнею будил горы и леса,
Заяц уши наострил, вздрогнула овца.
Лес и горы, степь и люди слушали его,
Кони головы подняли, стыли небеса...

Спал ребенок в колыбели, пробудился он.
К уху подносил старик, слушая, ладонь.
Девушки и парни смолкли у степных кошар.
Слушали аулы ночью тот напевный стон.

Пел Ахан, пел Ахан, тишину гоня,
Песня к небу утекала, как струя огня.
И над всею степью был слышен этот плач.
Вместе с ним оплакивал весь народ коня.

Много он родов проехал, только ни в какой
Не направил он коня твердою рукой.
Прямо ехал, пел и пел песню «Кулагер»,
Степь рыдала и звенела болью и тоской.

Как увидел Кокчетау – всё оборвалось.
Знал родимые места Кулагер насквозь.
Землю, где последний раз Кулагер стоял,
Обнимал Ахан, оглохший от тяжелых слёз.

Горы, скалы потемнели, скорбь его деля,
Капля каждая в ключах горькою была.
Разделив с Аханом горе, встретили его
Летний день, невинный ветер, чистая земля.

Вот высокую березу отыскал Ахан.
Здесь недавно Кулагер тихо отдыхал.
Высоко Ахан повесил голову коня.
Днем и ночью стон его тут не утихал.

Степи, горы Кокчетау он печалью жег.
На овраги и лощины мрак туманный лег.
Кулагера звал Ахан, одиноко пел,
Утешения найти и во сне не мог.

То, как дождик, плач его горы орошал,
То под небо поднимался, как суровый шквал,
То озёра волновал темной глухотой,
То ходил Ахан без сна, то, как тень, лежал,

То безмолвствовал недвижно, горем потрясен,
То опять взлетала песня – человеческий стон.
Под березою ночуя или на камнях,
Словно череп на березе, высыхал и он.

Вот и лето отошло, осень шла в леса,
И последними дождями брызжут небеса,
Кокчетау надевает шапку до бровей,
И мышкует на джайляу юркая лиса.

В тихом озере покрылась тонким льдом вода,
И козлята подросли, стали хоть куда!
И намордники телячьи сложены в углу,
И в порывах ветра людям чудится беда.

И грозят уже метели, воздух сыр и сер,
И пронизывал Ахана ветер – Кулагер.
Высоту его души обступил туман,
Радость давнюю подрезал горя острый серп.

Как курай, согнулся он, не глядит вперед.
Говорят теперь недаром: «Стал Ахан не тот».
Он стоит, как дерево, то, что отжило.
Чуть качнет летящий ветер – тотчас упадет.

Жизнь проходит, красотой, счастьем дразня.
Но молчит он, никого в этом не виня,
И бессильно опустились крылья у души,
И не знает он, что делать в мире без коня.

Нет любимого коня, и любимой нет,
Нет и цели, и мечты потерялся след.
День и ночь о Кулагере пел и пел Ахан,
И не видеться ни с кем дал себе обет.

Стыло разочарованье, жизни не искал.
Будто бы переродился, нелюдимым стал.
Как в пустыне жил он, пищу на костре варил.
Одежку в Бурабае чистом полоскал.

Если с выси Окжетпеса вниз посмотришь вдруг –
Там береза, а на ней темный виден сук,
На суку белеет череп, длинный, как рука,
И поет в глазницах ветер, как кобыза звук.

Там Ахан печальный бродит...
Начиная сказ,
Мы, описывая череп, перешли на ас.
Это череп Кулагера – вещего коня.
А старик – бродяга этот – наш Ахан как раз.

Часто бродит наш Ахан у березы той,
Он к березке Кулагера ставил на постой.
И идут воспоминанья разные к нему.
Здесь стоит Ахан подолгу на траве густой.

Стало горе Кокчетау песней на века.
Стало вечною легендой горе старика.
По аулам ходят слухи – одержим Ахан,
Дьявол или дух нечистый в нем наверняка.

Дни прошли, засохли листья, замерла вода,
Постарел уже Ахан, голова седа.
Он без рода, без друзей, без скота – один,
Жизнь свою уже провел, приходя сюда.

Он среди камней шатался в полуночный час.
Пыл далекой юной страсти в нем давно погас.
Лишь одно любил он место – это Бурабай,
Никуда не уходил он, белый череп пас.

Стал тщедушным он; как яма, провалился рот,
Он ослаб и плохо видит – дня не разберет.
Сильным, как верблюд, когда-то был певец Ахан,
А теперь – старик корявый, далеко не тот.

Ведь красавицы вздыхали по нему в Арке!
Голова его поникла – с солью на виске.
Будто бы прошло кочевье – сеть морщин на лбу,
Глаз слезится, как колодец, что в солончаке.

Был он словно Кокчетау – среди всех прямой.
И красавицы вздыхали – ах, красавец мой!
Славился в степи, в народе наш певец Ахан
Песней, что летела в небо, песней громовой.

А когда-то веселился, всяк джигитом звал,
Песни, смех его веселый смыл тяжелый вал.
Словно осень Кокчетау, он понур и пуст.
На джайляу темной грусти он откочевал.

Вспомнит он о Кулагере – душу рвет бедой,
Съезжившись, сидит на камне, словно козодой.
Не нашел покоя в людях, отыскал в горах,
Гордым он душой остался, будто молодой.

Голос гордого Ахана слышен нам из тьмы –
Скалы заставлял звенеть, волновал умы.
Кулагера смерть лихая болью в нас жива,
Все его мечтой казахов почитаем мы.

«Кулагер!» – кричал, рыдая. «Кулагер!» – он пел,
Песен тех мотив высокий к душам прикипел.
Был серэ, иль одержим был тогда Ахан –
Имени его народ смыть не захотел.

В час, когда вернулся он с мертвой головой,
С голоса его запел весь народ родной
Песню-плач о Кулагере, о степном коне –
Дети, женщины, табунщик ночью ветровой.

И в Арке в честь предков скачки были в те года.
Для котлов свой скот народ отдавал тогда.
Там, на асе Сагыная потеряв коня,
Наш Ахан оделся в траур, в траур навсегда.

Полилась о Кулагере песня над грядой,
О сраженном в Ереймене тяжкою бедой.
Разлетелась песнь повсюду – по степной Арке,
В Алатау, в Семиречье, за Балхаш седой.

Потеряв коня, устало шел в аул Ахан,
Подарил он свою песню горным пастухам,
А народ, что был на асе, далеко понес
Песню ту о Кулагере, мокрую от слез.

И оплакивал народ мой всюду скакуна,
Пели соловьи народа, пела вся страна.
«Кулагер» – певцы напев возносили ввысь,
«Кулагер» – домбра рыдала – каждая струна.

Говорили про коня: «Это – цвет коней!»
А про песню: «Пусть поплачет», плача вместе с ней.
Про убийцу говорили: «Проклят Батыраш»!
И чернит его народ много-много дней.

Наш Ахан батыром грозным не был, это да,
«Кулагера другом» назван был он в те года.
Песня прошлому грозила, чтоб в грядущих днях
Не было в степи злодейства больше никогда.

Перевод Михаила Луконина и Евгения Евтушенко.

1957

